

В воздухе разлился нежный аромат молока. Чэ Жуйхэ, пряча взгляд, в нерешительности замер, но всё же принял стакан. Под пристальным взглядом Цзянь Линя он осушил его до дна.

— Не пялся на меня так... — Жуйхэ слизнул оставшуюся на губах каплю молока.

Заметив, что Цзянь Линь пристально смотрит на него, он невольно отшатнулся. Почему-то после недавней вспышки гнева ему стало трудно смотреть партнёру в лицо.

Когда Цзянь Линь заговорил о Су Я и деловом партнёрстве, первой мыслью Жуйхэ была «Пули» — слишком уж тесно переплелись эти темы. Он решил, что Цзянь Линь сблизился с ним, признавался в любви и обхаживал лишь ради аукциона. Это открытие едва не разбило ему сердце: он ведь по-настоящему обжёгся о то жаркое пламя, которым пылал Цзянь Линь. Тот казался искренним, его близость дарила покой...

А когда Жуйхэ вообразил, что им просто играют, на него словно вылили ушат ледяной воды. Обида пробрала до костей. Как он, молодой господин, мог позволить кому-то вертеть собой, словно марионеткой?

К счастью, Цзянь Линь оказался не таким. Жуйхэ просто запутался и зря на него набросился.

Цзянь Линь привык неотрывно смотреть на Жуйхэ — это была неосознанная потребность, которую он не мог контролировать. Он моргнул, медленно отвернулся и спустя долгое время негромко произнёс:

— Если ты ещё не остыл и не хочешь меня видеть, я могу уйти. Подожду, пока ты окончательно успокоишься.

С этими словами Цзянь Линь поднялся, собираясь уйти.

Сердце Жуйхэ пропустило удар. Он инстинктивно схватил его за руку.

— Я не это имел в виду!

Цзянь Линь обернулся, горячо глядя на него. Этот взгляд обжигал, и Жуйхэ снова отвернулся, запинаясь и путаясь в словах:

— Прости... мне жаль, что я так сорвался. Но до аукциона «Пули» ещё далеко. Мне нужно время, чтобы решить, с кем работать.

Внезапно его голос стал необычайно серьёзным:

— Конечно, если ты сам хочешь использовать «Пули» для расширения бизнеса в городе Си, ты будешь первым в списке. Я буду рад сотрудничать с тобой.

Жуйхэ внимательно смотрел на него, ловя каждое малейшее изменение в выражении его лица.

Услышав редкие для него мягкие нотки, Цзянь Линь с облегчением выдохнул. Он коснулся ладонью щеки Жуйхэ и, медленно приближаясь, заговорил:

— Я понимаю. Это твоя первая крупная сделка, ты дорожишь ею и боишься ошибиться. Но ты недостаточно осторожен — слишком легко доверяешь людям. Именно поэтому я пошёл к твоему дедушке. Возможно, этот Су Я и впрямь отличный партнёр, но запомни: человек, способный так быстро заводить связи и виртуозно лавировать в мире бизнеса, столь же искусен и в личных интригах. Будь с ним начеку.

Жуйхэ замер:

— Не думаю, что в этом есть нужда. Он ведь друг моего отца...

— И что с того? — холодно перебил Цзянь Линь. — Его семья когда-то пересекалась с твоей, но это капля в море. Разве вы близки? Много ли вы общались? Есть ли между вами настоящая дружба — лично между вами двумя? Если нет, то зачем доверять ему безоглядно?

Жуйхэ и сам об этом подумывал — всё-таки он не был наивным дураком.

Но когда он увидел в сумке Су Я то старое фото, его оборона рухнула. Из глубин души хлынула ностальгия. В этом мире полно людей, не заслуживающих доверия, но если выбирать из всех акул бизнеса, Су Я казался самым надёжным.

Жуйхэ поднялся и впервые сам крепко обнял Цзянь Линя.

— Спасибо. Ты всегда думаешь обо мне, а я вечно у тебя в долгу. Даже не знаю, чем отплатить...

Цзянь Линь вздрогнул. Каждое слово, произнесённое этим чарующим голосом, отдавалось в его сердце трепетом. Он медленно обвил руками талию Жуйхэ, прижался лицом к его шее и с наслаждением вдохнул едва уловимый аромат его кожи.

— Я уважаю твой выбор. Просто не хочу, чтобы тебе причинили боль. Но пообещай мне одно: в следующий раз ты пойдёшь на встречу с ним только со мной.

Жуйхэ поднял голову:

— Это ещё зачем?

— Чтобы я присмотрел за тобой, — Цзянь Линь погладил его по лицу, а затем вдруг нахмурился. — И ещё... Я не хочу, чтобы он подходил к тебе слишком близко. Если он снова посмеет положить тебе руку на плечо, я не ручаюсь за себя.

Он пристально посмотрел на плечо Жуйхэ. Ревность в его взгляде была почти осязаемой.

Жуйхэ вдруг захотелось рассмеяться.

Чего ещё он не знал об этом человеке? Сколько тайн ему ещё предстояло открыть? Ему оставалось лишь запастись терпением. Цзянь Линь был для него словно редкий метеорит, рухнувший в его мир из глубин космоса. Никогда не угадаешь, что скрывается под грубой коркой — драгоценный нефрит или чистая яшма. Придётся слой за слоем изучать его, пока не доберёшься до самой сути.

Глядя на серьёзное лицо Цзянь Линя, Жуйхэ лишь едва заметно улыбнулся.

Цзянь Линь притянул его к себе:

— Пусть «Пули» достанется не мне, я всё равно буду рядом. Научу тебя, как всем управлять, как вести дела с этими дельцами и решать любые проблемы. Мы со всем справимся вместе. Тебе не нужно тревожиться или бояться, ведь с этого момента ты больше не один. В твоей жизни есть я, а в моей — ты.

Голос Цзянь Линя стал тише, проникновеннее:

— Мы вместе будем бороться за процветание «Студии Создания Мечты» и пойдём далеко-далеко. Я знаю, для тебя всё это происходит слишком быстро. Но ты и сам понимаешь: я ждал этого момента долгие годы. Я лишь надеюсь... что ты не выбросишь меня так легко, как выбросил «Восемнадцать лет». Вся моя вера в жизнь теперь сосредоточена в тебе. Ты чувствуешь это?

Жуйхэ лишь беззвучно шевелил губами, не зная, что ответить.

В голове всё перепуталось. Тяжёлые, полные чувств слова Цзянь Линя перевернули всё вверх дном. Он мог лишь, словно ребёнок, растерянно кивнуть.

Никто и никогда не говорил ему ничего подобного, даже родные. Цзянь Линь был первым. Он не понимал, что именно в нём так притянуло этого мужчину. Жуйхэ всегда казалось, что он недостаточно хорош. Пусть на людях он и держался самоуверенно, только он сам знал, сколько в этой браваре было сомнений.

А взгляд Цзянь Линя обладал какой-то магической силой. Он видел насквозь всю его притворную уверенность, читал каждое смятение в душе и всё равно принимал его таким, какой он есть, неизменно раскрывая объятия.

Похоже, Цзянь Линю очень нравилось его обнимать. Вот и сейчас он никак не желал отпускать его, пока Жуйхэ сам не отстранился.

— Если будешь так долго меня тискать, я снова усну.

Цзянь Линь щелкнул его по носу:

— Настоящий соня.

— Вчера был слишком тяжёлый день, я почти не спал.

Цзянь Линь снова прижался к нему со спины, уложив подбородок ему на плечо. Он взял со стола сценарий и принялся перелистывать страницы.

— Прости, что вчера сорвался на тебя. Я очень об этом жалею.

— Я и не сержусь, — Жуйхэ невольно улыбнулся. — На самом деле ты был довольно милым.

Цзянь Линь потерся лицом о его волосы.

— Не смей называть меня милым.

— Это ещё почему?

— Потому что я твой «гун» и я очень крут, — Цзянь Линь помахал сценарием. — Жду не дождусь сцены, где Му Няньчэнь откидывает полог.

Жуйхэ взглянул на текст, и его лицо мгновенно залила густая краска. Он отвернулся и с трудом сглотнул:

— До этого ещё далеко!

— Мы могли бы отрепетировать заранее... — прошептал Цзянь Линь, ловя губами его дыхание.

В сценарии этот полог символизировал безграничное уважение Му Няньчэня к Бай Чжунье. Пока не получено дозволение, он никогда не переступал черту.

Но в одной из финальных сцен Бай Чжунъе, отбросив все сомнения, приглашает генерала в свои покои. Тонкая ткань казалась тяжёлой, как свинцовое облако. Му Няньчэнь впервые откидывает этот полог, с силой сжимает принца в объятиях, и они впервые проводят ночь вместе.

Каждый раз, доходя до этого места, Жуйхэ впадал в уныние. Автор был неумолим: во всём сценарии у Бай Чжунъе не было ни единого шанса перехватить инициативу. Утешало лишь то, что Му Няньчэнь был абсолютно преданным «собакой-гуном», а статус Бай Чжунъе — невероятно высок. Он не был униженным пленником; напротив, он был умён и расчётлив, прочно удерживая сердце своего завоевателя. Хотя в названии он и звался «узником», настоящим пленником, погрязшим в своих чувствах, был именно Му Няньчэнь.

Жуйхэ покраснел до самых корней волос и нарочито громко кашлянул:

— Совсем стыд потерял?

Цзянь Линь негромко рассмеялся:

— Тогда можно мне тебя поцеловать?

Жуйхэ искоса взглянул на него:

— Сегодня уже целовались.

— Одного раза мало, — Цзянь Линь подхватил его под спину, уложил на кровать и навис сверху. — Я хочу, чтобы это длилось дольше.

— Эй, не смей переходить границы!

— Десять минут.

— Нет!

— Тогда пять.

— Тоже нет!

— Три минуты, — Цзянь Линь склонил голову. Его волосы щекотали лоб Жуйхэ, вызывая сладкий трепет, но это было ничто по сравнению с тем всепоглощающим чувством, когда Цзянь Линь жадно накрыл его губы своими. — Всего три минуты.

— М-м-м...

Мир вокруг словно замер, смолкли все звуки. В голове у Жуйхэ стоял гул. Он больше не слышал шума машин за окном, завываний ветра и того, как во дворе доберман гремит цепью, вышагивая по кругу.

Существовало лишь обжигающее, полное страсти дыхание Цзянь Линя. С каждой секундой их вдохи сплетались всё теснее. Оно было горячим; проникая в лёгкие, обжигало их изнутри, вызывая томительную дрожь. Всё вокруг то расплывалось, то обретало чёткость, но Жуйхэ видел лишь манящее лицо Цзянь Линя совсем рядом и его взгляд — прозрачно-золотистый, полный бездонного обожания и восторга.

Цзянь Линь упивался его губами, его ладони властно удерживали голову Жуйхэ. Сердце билось в ритме партнёра, то ускоряясь, то замирая. Мягкость и нежность этого поцелуя уносили сознание в туманное марево, из которого не хотелось возвращаться.

Жуйхэ впервые познал истинную магию поцелуя — неистовую, сводящую с ума.

<http://bllate.org/book/17503/1662191>